

Я, воспитанная в строгой заповеди никогда не брать чужого, — украла. До сих пор обжигает меня это воспоминание стыдом и непомерным пережитым тогда страхом...

Был ясный, тёплый день конца лета. В тот день мне купили учебники для первого класса, и моему счастью не было границ. Я пойду в школу! В школу! И мама уже начала шить мне коричневую форму!

Я сидела у окна и листала учебники, на столе пытел самовар, за столом пили чай мама и моя крёстная. Мама пожаловалась на больную спину, а крёстная сказала, что у неё есть хорошая настойка для растирания.

— Сбегай-ка, Людुшка, ко мне, там в шкафчике наверху бутылка коричневая стоит, принеси-ка, да мамку твою полечим.

Дома наши никогда по-настоящему не запирались. Уходя из дома, хозяева просто вешали на дверь замок без всякого ключа, а у кого замка не было, вставляли в замочную петлю щепку или подпирали дверь палкой.

Дверь крёстного дома была закрыта, висел большой чёрный замок, который я легко сняла. Шкафчик, покрашенный голубой краской, висел на стене в кухне. Я придвинула табуретку, влезла на неё, открыла шкафчик и... вместо коричневой бутылки увидела банку. Магази́нная банка, с этикеткой, на которой я медленно прочитала:

«По-вид-ло я-блоч-ное». Такие банки стояли на полке в сельмаге, но мама их никогда не покупала. Я открыла банку, заглянула в неё, понюхала. Повидло было тёмное, густое и сладко пахло. Я оглянулась на дверь, взяла лежавшую тут же ложку и хотела только попробовать... чуть-чуть... на кончике ложки... но... ела и ела ложку за ложкой, забыв обо всём...

Очнулась я от голоса крёстной:

— А я думаю, куда девка подевалась?

Горячий стыд, ужас от содеянного захлестнули меня. Я с грохотом слетела с табуретки и опрометью, едва не сбив крёстную с ног, бросилась вон из избы, одним духом перебежала ограду, дорогу, мелкую нашу речушку и упала на землю в густых кустах ерника. Я боялась дышать, я боялась поднять глаза даже на гудевшую муху, и больше всего на свете мне хотелось умереть. Плакать я не могла, лежала молча, во рту у меня было сладко от повидла, и какой же противной казалась теперь эта сладость!.. Я представляла, как крёстная заходит к нам, как рассказывает маме, какая я воровка, как стыдно маме за меня и как она меня ругает... А вот ещё баба узнает!!! И Колька!.. И Витька с Лидкой... И все-все все!.. И меня никогда не пустят в школу... Все будут кричать мне вслед: «Воровка! Воровка!» От этой картины я наконец заплакала. Плакала долго, тихо, отчаянно и решила никогда, ни за что не выходить из этих кустов и тут умереть.

Меня уже искали. Я слышала, как звала меня мама, потом крёстная, потом где-то недалеко от меня пробежал Колька, крича на бегу:

— Вылазь, слышь? Ничего тебе не будет!

Значит, и он уже знает... Я затаила дыхание, и Колька пробежал мимо. Мне было слышно, как он доложил:

— Нету её там! — и в мамином голосе, звавшем меня, явно зазвучала тревога.

Темнело. В кустах стало сыро и холодно. Я села, обхватила руками колени и уткнулась в них подбородком. Заквакали лягушки, зазвенели комары. Моя решимость

умереть в кустах поубавилась. Комары кусались, в кустах что-то трещало и шуршало. Становилось очень страшно.

И вдруг совсем близко раздался мамин голос:

— Доча, иди домой. Иди, моя. Не бойся. Вон, слышишь, и баба тебя зовёт.

С другой стороны слышались шаги и бабин протяжный крик:

— Лю-ю-юда!..

Я встала и заревела в голос.

Дома никто не сказал ни слова о повидле. Мама накормила меня, погладила по голове и вздохнула. Сидевшая рядом бабушка вытерла глаза уголком платка и отвернулась. Даже Колька ни в тот вечер, ни после ни разу не назвал меня воровкой. И только крёстная на другой день сказала строго и спокойно:

— Больше ты так никогда делать не будешь.

Я кивнула и робко подняла на неё глаза. Она улыбнулась:

— Ну, пойдём ко мне чай с повидлом пить!

Я отчаянно замотала головой и убежала.

С полочки мама купила банку повидла, усадила нас за стол и всем намазала по куску хлеба. Но я есть не стала. Не смогла.